

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО
ОРУЖИЯ И ГОТОВНОСТИ К ЕГО ПРИМЕНЕНИЮ***

©2016 Т.А. Нестик**

**THE PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE DISTRIBUTION OF THE
NUCLEAR WEAPON AND THE READINESS FOR ITS APPLICATION**

T.A. Nestik

Обсуждается ситуация, сложившаяся на современной международной арене, в области распространения и сдерживания ядерного вооружения. Проанализирована роль государственных структур и лидеров стран в возникновении глобальных рисков в этой области. Рассмотрены социально-психологические факторы и механизмы, влияющие на готовность к использованию ядерного оружия, а также социально-психологические принципы принятия решений отдельными государствами в поддержку ядерного разоружения или присоединения к ядерным программам. Описаны личностные, групповые и межгрупповые факторы готовности к применению ядерного оружия, а также признаки принятия решений в кризисной ситуации.

The situation which has been developed on the modern international scene in the field of proliferation and readiness to use of the nuclear weapons was discussed. The role of government institutions and the role of the leaders of the countries in emergence of global risks in this area were analyzed. The social and psychological factors and mechanisms which are influencing readiness of use of the nuclear

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО РФ 0159-2016-0001.

** Нестик Тимофей Александрович – доктор психологических наук, и.о. заведующего лабораторией социальной и экономической психологии ФГБУН Институт психологии РАН, nestik@gmail.com.

weapon, and also the social and psychological principles of behavior and a basis of decision-making by the certain states in support of nuclear disarmament or accession to nuclear programs were considered. Personal', group' and intergroup' factors of the readiness of use of the nuclear weapon, and also decision-making signs in a crisis situation were described.

Ключевые слова: ядерное оружие, глобальные риски, распространение и готовность применения ядерного оружия, стратегические решения, принятие решения в условиях неопределенности, авторитарность, этноцентризм, групповая идентичность, самосбывающееся пророчество, фундаментальная ошибка атрибуции, мотивационно-когнитивное искажение.

Key words: the nuclear weapon, global risks, distribution and readiness of use of the nuclear weapon, strategic decisions, decision-making in the conditions of uncertainty, authoritativeness, ethnocentrism, group identity, the self-fulfilling prophecy, a fundamental error of attribution, motivational and cognitive biases.

ВВЕДЕНИЕ

При современном состоянии международных отношений оружие массового уничтожения находится под контролем государств, и вероятность его целенаправленного применения невелика. Как показывает исторический анализ, благодаря усилению государств, развитию институтов международных отношений и росту экономической взаимозависимости, за последние 200 лет войны стали менее кровавыми и менее выгодными. Даже с учетом катастрофических потерь во время Первой и Второй мировых войн, ситуация не идет ни в какое сравнение с более кровавыми эпохами, особенно с эпохой Палеолита (Назаретян, 2008; Gat, 2013).

Безусловно, ядерное сдерживание до сих пор играет свою роль в предотвращении Третьей мировой войны. Однако история Карибского кризиса и Вьетнамской войны показывает, что ядерное устрашение работает далеко не всегда (Rühle, 2015). В условиях сетцентрической, дистанционной

высокоточной войны в качестве инструментов устрашения все чаще используются неядерные виды оружия в сочетании с ядерными. Маломощные тактические ядерные заряды утратили роль орудия устрашения, но сохранили роль символа помощи союзникам и защиты от возможных агрессоров (Suchy, Thayer, 2014). Поэтому, несмотря на фатальность последствий ядерной войны, возможность использования ядерного арсенала по-прежнему активно эксплуатируется некоторыми государствами. Современные военные доктрины строятся на стратегическом сдерживании возможностью превентивного удара при провокации внутреннего вооруженного конфликта и риске распада государства, в котором ядерные и обычные вооружения используются как элементы единой системы (Полегаев, Алферов, 2015).

Все это позволяет сделать вывод о том, что преследование радикальных целей уничтожения противника в ядерной войне маловероятно; однако, растет вероятность втягивания в ядерную войну через применение неядерного оружия. Иными словами, тактические решения, каждое из которых само по себе воспринимается властью как адекватный ответ на провокации, могут привести к фатальным ошибкам.

Реальные глобальные риски, связанные с ядерным оружием, усиливаются двумя процессами: во-первых, *распространением ядерного оружия* на фоне роста его технической доступности, а во-вторых, *участившейся демонстрацией отдельными государствами своей готовности использовать это оружие*. Испытания перспективных вооружений, действия по поддержанию готовности сил и средств к применению напоминают «танцы на краю пропасти» и постоянно испытывают запас прочности технических и человеческих систем безопасности. Следствием обоих процессов становится рост вероятности непреднамеренного срабатывания ядерных установок, попадания их в руки слабых, нестабильных государств, к террористическим организациям и т.п. Необходимые действия в случае ядерного взрыва обсуждаются сегодня всерьез, так как вероятность подобных событий растет (Davis, 2014).

Ниже мы рассмотрим некоторые из психологических механизмов, влияющих на эти два процесса. Незнание или игнорирование таких механизмов при принятии внешнеполитических решений чревато фатальными ошибками. Данная работа продолжает и развивает ранее выполненный анализ социально-психологических аспектов изучения ядерного сдерживания и стратегической стабильности (Нестик, Журавлев, Соснин, 2011, 2012 и др.).

Психологические механизмы, лежащие в основе распространения ядерного оружия

Несомненно, существуют объективные факторы распространения ядерного оружия в условиях происходящих сегодня изменений архитектуры международных отношений: наличия ядерных стран-соседей, роста нестабильности в регионе, имеющегося у стран научно-технического и ресурсного потенциала и увеличения доступности ядерных технологий, степени интегрированности страны в мировую экономику, затрудненности контроля за соблюдением ДНЯО подписавшими его неядерными странами, а также приостановки ядерного разоружения (Тарасов, 2015). Наряду с этими политическими и экономическими факторами можно выделить несколько *психологических механизмов*, влияющих на распространение ядерного оружия: защиту позитивной идентичности, дилемму безопасности и самосбывающиеся пророчества, эффекты фундаментальной ошибки атрибуции и сверхуверенности политического руководства. Возможно действие целого ряда других социально-психологических механизмов (см.: Психология XXI века; Соснин и др., 2011; Социальная психология, 2002; и др.).

Джейк Хайманс хорошо показывает роль *механизма поддержания позитивной групповой идентичности* в распространении ядерного оружия. Он опирается на пример двух ядерных держав (Франции и Индии) и двух стран, которые могли создать или приобрести ядерное оружие, но отказались от этой возможности (Австралии и Аргентины). К приобретению ядерного оружия

склонны политические руководители с особым типом идентичности – «оппозиционные лидеры-националисты», которые, приходя к власти, испытывают одновременно и гордость за свою страну, и чувства фрустрации, унижения несправедливым положением страны на мировой арене. Само по себе запугивание ядерной угрозой и ужесточение контроля над распространением ядерного оружия только усиливают недовольство сложившимся положением среди лидеров неядерных государств. Путь к снижению ядерной угрозы лежит не через демонстрацию недоверия и наращивание средств обнаружения, а через дипломатию, поддерживающую чувства национального достоинства у лидеров всех заинтересованных государств (Hymans, 2006; 2012, 2013).

Любопытно, почему столь немногие государства захотели и смогли реализовать программы по созданию ядерного оружия, и почему такие программы потребовали гораздо больше времени, чем планировалось. На сегодняшний день 95% государств не имеет ядерного оружия, и вовсе не потому, что не имеют средств к его созданию или приобретению. Одна из причин кроется в том, что лидеры, ослепленные фрустрацией и гордыней, демотивируют ученых и не могут создать для их работы соответствующие условия (Hymans, 2012).

Мария Рубли на примерах государств, отказавшихся от своих программ по созданию ядерного оружия (Японии, Египта, Ливии, Швеции и Германии), показывает, что поведение национальных политических элит объясняется не столько экономическими и политическими факторами, сколько социально-психологическими: изменением первоначальных представлений под влиянием убеждения со стороны других руководителей, конформностью в отношении внутренних культурных и международных правил, идентификацией себя с другими государствами и лидерами. При этом каждая страна по-своему конструирует образ ядерного оружия и его роли в своем будущем, проходя несколько стадий: сопоставление выгод и рисков от потери неядерного статуса, изменение предпочтений, смена идентификации (Ruble, 2009).

Характеристики государственной идентичности в международных отношениях не являются постоянными, государственные руководители и дипломаты выбирают идентичности, учитывая расстановку сил на национальной и мировой арене. Так, например, руководители Китая и России вынуждены постоянно разрешать противоречия между образом сильного государства и образом государства, строго следующего международным нормам; английское правительство вынуждено разрешать противоречие между образом государства, ведущего войну с террором, и образом защитника демократических ценностей (Anstee, 2012).

Действительно, формирование международных норм в отношении гонки вооружений поддерживается процессами социальной идентификации и межгруппового сравнения. Оно тесно связано с поведением ядерных стран, выступающих для международного сообщества «ролевыми моделями» или «референтной группой». Тщательное сопоставление данных, полученных в разных науках, указывает на то, что ориентация стран ядерного клуба на разоружение действительно снижает мотивацию других государств к переходу в статус ядерных держав. Однако, учитывая особенности принятия государственных решений, одного разоружения недостаточно, чтобы остановить распространение ядерного оружия (Knopf, 2012).

Ядерные программы Ирана и Северной Кореи опасны не столько сами по себе, ведь создаваемые ими ядерные заряды по своей мощности не могут идти ни в какое сравнение с оружием ключевых держав ядерного клуба (Hymans, 2013). Психологическая опасность этих программ состоит в том, что они провоцируют руководство других неядерных стран к участию в большой игре на фоне все большей технической доступности средств массового уничтожения.

Следует подчеркнуть, что для запуска ядерной программы недостаточно наличия технических возможностей. Действительно, работа над созданием ядерного оружия облегчается благодаря помощи со стороны ядерных

государств, экспортирующих мирные атомные технологии. Так, США помогали Ирану в 1957-1979 гг. и Индии в 2001-2008 гг., СССР экспортировал ядерные технологии в Ливию в 1975-1986 гг., Франция, Италия и Бразилия в Ирак с 1975 по 1981 гг. Но военную направленность эти мирные программы приобретают тогда, когда руководство попавших в зависимость стран сталкивается с кризисом в международных отношениях и переживает фрустрацию (Fuhrmann, 2012).

Именно использование чувств уязвленного достоинства, превосходства, недоверия, несправедливости, беспомощности и уязвимости позволяет политическим лидерам оправдать начало военных действий в национальном массовом сознании. Например, именно к этим чувствам апеллировала администрация Дж. Буша, обосновывая необходимость вторжения в Ирак в марте 2003 г. защитой США от террористических атак и ядерного оружия, якобы скрываемого Саддамом Хусейном (Brewer, 2009; Eidelson, 2013).

Демонизация противника легко осуществляется не только в массовом сознании, но и в головах политиков, принимающих решения, так как интерпретация сторонами действий друг друга затруднена известной «дилеммой безопасности» (Jervis, 1978; Booth, Wheeler, 2008). Стремясь повысить степень обороноспособности своей страны, руководство принимает решения, которые руководители других стран воспринимают как признаки подготовки к нападению. Так раскручивается спираль эскалации напряженности в международных отношениях. Дилемма безопасности является частным случаем самосбывающихся пророчеств: наблюдая за словами и действиями друг друга, стороны находят все больше подтверждений своим пессимистическим ожиданиям и все больше опираются на них в собственном поведении, подталкивая к приобретению оружия массового уничтожения.

Политикам крайне трудно отличить государство, принимающим защитные меры в навязанной ему ситуации, от государства, стремящегося к экспансии по воле своего лидера. Это может быть связано с *фундаментальной*

ошибкой атрибуции: при объяснении действий личности или группы основное внимание уделяется их внутренним мотивам и чертам, а не особенностям ситуации, в которой те находятся (Росс, Нисбетт, 1999). Объективная ситуация в международных отношениях такова, что для обеспечения собственной безопасности государства вынуждены либо вступать в военные альянсы, гарантирующие поддержку более сильных партнеров, либо наращивать собственные вооруженные силы. Однако воспринимаются эти ситуативно обусловленные действия как проявление личностных особенностей лидеров. Парадокс состоит в том, что для большинства дипломатов и государственных руководителей характерна презумпция собственной невиновности: не учитывая феномена фундаментальной атрибутивной ошибки, они знают, что действуют с целью самозащиты и думают, что это известно всем остальным. Классическим примером в этом отношении является ядерная программа руководства Северной Кореи. Эта программа разрабатывается для защиты политического режима, но воспринимается соседями как подготовка к войне и связывается с личностными особенностями авторитарного лидера страны.

Ошибочная интерпретация руководителями стран намерений друг друга приводит к уже обсуждавшемуся нами эффекту *самосбывающихся пророчеств*: чем более жесткие санкции вводят члены ядерного клуба против Ирана и Северной Кореи, тем больше они убеждают руководство этих стран в необходимости ядерного арсенала. Эта спираль взаимного недоверия может раскручиваться и благодаря эффекту *сверхуверенности* личности в своих суждениях и прогнозах (см. также: Доверие и недоверие ..., 2013). В международных отношениях этот эффект выражается в стремлении политиков сбросить со счетов точки зрения и факты, противоречащие выбранной позиции, а также в переоценке своей способности выявлять подлинные намерения, скрытые за действиями руководства других государств (Jervis, 1976). Например, И.В. Сталин в 1941 г. закрывал глаза на очевидные факты, ошибочно полагая, что гитлеровская Германия не начнет войну в ближайшее

время. Точно так же израильское руководство перед атакой египетских и сирийских войск, совершенной во время праздника Йом-Кипур 6 октября 1973 г., не смогло правильно оценить имевшуюся оперативную информацию, будучи убежденным в слабости арабских государств. И наоборот, сверхуверенные сторонники начала войны могут недооценивать готовность другой стороны к сопротивлению (Lebow, 1981). Ярким примером могут служить решение США о введении вооруженных сил в Афганистан, а также российские военные компании в Чечне. Сверхуверенность тесно связана с устойчивостью стереотипов и предубеждений. Например, социальные стереотипы политиков Израиля в отношении абсолютной враждебности арабского мира подтолкнуло их к приобретению и созданию ядерного оружия и др.

Психологические аспекты демонстрации готовности применить ядерное оружие

Демонстрация руководством какой-либо страны готовности применить ядерное оружие связана с целым рядом психологических факторов – личностных, групповых и межгрупповых.

Среди *внутриличностных факторов* следует выделить мотивационно-когнитивные искажения, а также особенности личности политика, принимающего решения.

Психологическая специфика ядерного противостояния определяется, помимо прочего, *высокой зависимостью стратегических решений от психологических особенностей небольшого числа лиц*. Если вопросы ядерного разоружения и контроля над распространением ядерного оружия находятся под влиянием довольно большого числа политических институтов, то принятие решения о нанесении ядерного удара в кризисной ситуации является прерогативой крайне ограниченной группы людей. Одна из сложностей обеспечения стратегической стабильности (помимо материальной основы ядерного сдерживания) «<...> состоит в том, что люди, формулирующие

политические установки <...>, не всегда четко представляют себе и современную оперативно-стратегическую сферу, и военно-техническую, не имея к тому же «под рукой» необходимой группы экспертов, ученых соответствующей квалификации» (Кокошин, 2009, с. 20). Нехватка объективной информации усиливает влияние психологических особенностей ситуации, а также личностных свойств руководителей.

Анализ противоречий в кругах американской политической элиты в 1898-1968 гг. показывает, что политики, характеризующиеся доминантностью в межличностных отношениях, были более склонны к решению политических и международных вопросов силовым путем, а экстраверсия, склонность доверять людям и высокая самооценка связаны с поиском компромиссных решений (Etheredge, 1978).

Влияние индивидуальных различий в разрешении конфликтов подтверждается и лабораторными экспериментами (Sternberg, Soriano, 1984). Например, *авторитарность* лидеров может повышать вероятность использования ядерного оружия, однако, если бы все руководители ядерных держав были авторитарными личностями, эффективность ядерного сдерживания была бы более высокой. Как известно, авторитарная личность отличается высоким этноцентризмом, подверженностью стереотипам и предрассудкам, готовностью подчиняться власти (Адорно, 2001). Экспериментальное исследование Б. Альтмейера, все испытуемые которого характеризовались высоким показателем авторитаризма правого толка, показало, что играя роль руководителей государств, такие участники придерживались правила «мы не трогаем вас, а вы – нас». Высокие *консерватизм и этноцентризм* удерживали внимание таких руководителей на проблемах своего государства, при этом их активность в совместном решении глобальных проблем оказывалась очень слабой. Однако, когда участниками эксперимента стали авторитарные личности с выраженным стремлением к власти, ситуация изменилась: они гораздо более активно вели переговоры друг

с другом, однако, стремясь расширить свое влияние, подталкивали мир к ядерной войне (Altemeyer, 2003).

Помимо устойчивых личностных качеств, на принятие решений о демонстрации готовности применить ядерное оружие влияют *закономерности переработки информации и принятия решений в условиях риска*.

Перед лицом угрозы политические лидеры склонны *упрощать ситуацию*, используя ложные сравнения (Stein, 2013). Так, во время вторжения Ирака в Кувейт Буш-старший назвал Саддама Хусейна Гитлером, хотя намерения и возможности этих исторических фигур были несопоставимы; позднее Джон Керри назвал Гитлером Башара Асада; во время президентской гонки Дональд Трамп назвал лидера Северной Кореи сумасшедшим и т.д.

Еще одной когнитивной ловушкой при демонстрации готовности использовать ядерное оружие может быть *метафора «эскалации напряженности»*, вызывающая в воображении лестницу, по которой стороны в любой момент могут сделать шаг вверх или вниз (Tetlock et al., 1991). Иными словами, политики могут переоценивать свою способность влиять на ситуацию, идя на поводу даже используемых ими в речи метафор. Использование метафор и аналогий не только способствует более глубокому пониманию международных процессов, но и часто приводит к ошибочным выводам. Например, принимая решение о вторжении во Вьетнам в 1965-1973 гг., американские руководители опирались на ошибочную аналогию с войной в Корее в 1950-1953 гг. (Khong, 1992).

Эффект недооценки уступок, известный также под названием *реактивной девальвации уступок*, наиболее часто проявляется в переговорах: уступка воспринимается как незначительная только потому, что она сделана другой стороной. Получив уступку, переговорщик не готов отвечать на нее равноценным предложением или добивается от уступившего еще большего (Левицкий и др., 2006). Очевидно, что обмен уступками во время ядерного кризиса может быть блокирован недоверием сторон друг к другу –

неосознаваемое политиками обесценивание предложений другой стороны может провоцировать их на использование «стратегических жестов» в виде повышения уровня боеготовности ядерных сил (о социальных и психологических механизмах рассматриваемых явлений см. также: Доверие и недоверие ..., 2013; Россия в глобализирующемся мире ..., 2007; и др.).

Среди когнитивно-мотивационных искажений большое значение может иметь *стремление оправдать свои решения задним числом*: даже при наличии очевидных доказательств неизбежности ответного удара, решение может быть принято в пользу нападения, так как стремление к самонепротиворечивости искажает восприятие ситуации. Например, наличие ядерного оружия у Великобритании не удержало Аргентину от захвата Фолклендских островов (Lebow, 1985). Высокий уровень эмоционального возбуждения под влиянием пугающей информации также может быть фактором принятия решения о ядерном ударе (Allen, 1993).

Еще один психологический механизм втягивания в войну связан с особенностями различных фаз принятия решений, описанных Х. Хекхаузенем и П. Голвитцером в «*модели Рубикона*» (Gollwitzer et al., 1990; Johnson, Tierney, 2011). Если на стадии выработки решения люди склонны к сопоставлению различных альтернатив, то после того, как решение субъективно кажется принятым, и «Рубикон перейден», мозг работает в другом, исполнительском, режиме, и чувствительность к новой информации резко снижается. На этой стадии люди гораздо больше подвержены различным когнитивным искажениям, включая «туннельное видение», поддержание самонепротиворечивости, иллюзию контроля над ситуацией и сверхуверенность в своей правоте. Мы уже указывали на опасную связь неядерных вооружений и тактического и стратегического ядерного оружия в современных военных концепциях. Модель «перейденного Рубикона» позволяет понять, как цепочка тактических решений по использованию

конвенциональных средств сдерживания может привести к втягиванию в ядерную войну.

Исследования, опирающиеся на проспективную теорию принятия решений Д. Канемана и А. Тверски и эффект «рамки», показывают, что перед угрозой потери статуса-кво государственные лидеры склонны принимать более рискованные решения, чем для усиления своих позиций. Так, опасаясь потерять свои позиции на международной арене, Япония нанесла удар по Перл-Харбору, США начали войну в Корее и Вьетнаме, а СССР ввел войска в Афганистан. Политические элиты, переживающие такие опасения, подвержены сдвигу к рискованным решениям (Taliaferro, 2004; Levy, 2013).

Еще одним фактором, влияющим на принятие решений об использовании оружия массового уничтожения, является *нормативный конфликт*, когда необходимость следовать международным нормам вступает в конфликт с внутригрупповыми нормами. Примером может служить предложение генерала Дж. Маршала, позднее – лауреата Нобелевской премии, использовать химическое оружие против Японии в 1945 г., чтобы не допустить массовых жертв среди американцев. Конфликт норм может провоцировать нарушение табу на применение оружия массового уничтожения (Dolan, 2013).

Среди *внутригрупповых факторов* ключевую роль играют эффекты «группового мышления», впервые обнаруженные в ходе Карибского ядерного кризиса (Janis, 1972). Как оказалось, эксперты с высокими интеллектуальными способностями могут принимать гораздо более рискованное и ошибочное совместное решение по сравнению с решениями, которые они бы приняли порознь. Такие факторы как директивный стиль руководства, высокая сплоченность и наличие внешней угрозы подталкивают членов группы к необдуманному и крайне рискованному решению. Проявлениями эффекта группового мышления являются сверхоптимизм, групповая поляризация, групповое давление, приводящее к недооценке мнений меньшинства, а также *феномен сдвига к риску* – все эти эффекты хорошо известны в современной

социальной психологии (Современная психология ..., 1999; Соснин и др., 2011; Социальная психология, 2002; и др.).

Эффект сдвига к риску был впервые обнаружен в 1962 г. Дж. Стоунером. Он предлагал участникам эксперимента сначала зафиксировать свое личное мнение по ряду вопросов, включавших рискованную альтернативу (например, должна ли футбольная команда при равном счете идти на атаку, открывая ворота в последние минуты матча; следует ли вкладывать деньги в опасное дело, сулящее большую и быструю прибыль и т.д.). Оказалось, что в ходе последующего группового обсуждения 12 из 13 групп согласились на более рискованную альтернативу. Более того, после группового обсуждения индивидуальные мнения участников тоже сдвигались в направлении более рискованных вариантов решения (Stoner, 1968). В ряде исследований было показано, что в ходе групповой дискуссии происходит усиление той позиции, которую – в более мягкой, менее категоричной ее форме – разделяли большинство участников. Чем сильнее групповая идентичность участников обсуждения, чем выше их сплоченность, тем больше вероятность поляризации и сдвига к риску (Abrams et al., 1990). Причем «экстремисты», с самого начала занимающие крайнюю точку зрения по отношению к остальным участникам обсуждения, сдвигают ее еще к более крайней позиции. С точки зрения теории самокатегоризации, эффект поляризации объясняется ориентацией участников дискуссии на прототипический образ своей группы: т.е. сдвиг происходит в направлении той точки зрения, которая представляется наиболее ярким маркером принадлежности к данной группе. Групповое мышление и сдвиг к риску могут приводить к эскалации международных конфликтов (например, вступление вооруженных сил Китая в Корею 25 октября 1950 г., решение Белого дома о высадке десанта в заливе Свиней на Кубе 17 апреля 1961 г. и т.д.). Роль внутригрупповых процессов подтверждается при моделировании принятия решений штабом Кеннеди в ходе Карибского кризиса (Sakamoto,

Hoshiro, 2006), а также моделировании влияния авторитарных лидеров на гонку вооружений (Altemeyer, 2003).

Ключевыми отличительными признаками принятия решений в кризисной ситуации можно считать угрозу базовым ценностям, дефицит времени и высокую неопределенность (Stern, 2003). В ходе внутренних и международных кризисов горизонт планирования политических лидеров сокращается (Holsti, 1989). В таких условиях непосредственное окружение менее склонно противоречить лидеру и может делать ошибки первых лиц более вероятными. Исследования групповой динамики свидетельствуют о том, что при дефиците времени у членов группы повышается потребность в определенности, простых и окончательных решениях, повышаются групповое давление и конформность. Решение о превентивном ударе рассматривается как дилемма между риском войны сейчас и риском войны в гораздо менее благоприятных условиях позже (Levy, 2013). В целом, высокая ориентация группы на ближайшее будущее, которую можно выразить формулой «сейчас или никогда», приводит к «зашориванию группового разума» (Kerr, Tindale, 2004). В таких условиях группа становится невосприимчивой к экспертным оценкам и прогнозам, расходящимся с уже сложившимися представлениями и мнением лидера. Иными словами, если решения принимаются в быстро меняющейся ситуации и при высоком риске, их качество зависит от внутригрупповой динамики сильнее, чем от компетентности экспертов или руководителей.

Следует обратить внимание на то, что в основе ядерного противостояния лежит социальное *взаимодействие «проигравший-проигравший»*, редко встречающееся в общественной жизни и малоизученное в социальной психологии. Как известно, стратегии поведения в конфликте можно классифицировать с помощью пространства из двух шкал: 1) ориентация на собственные интересы и 2) ориентация на интересы партнера (Pruitt, Rubin, 1986). Эта классификация позволяет выделить четыре *основных типа взаимодействия*: «выигравший-выигравший» (одним из вариантов которого

является компромисс путем взаимных уступок), «выигравший-проигравший», «проигравший-выигравший» и «проигравший-проигравший». В повседневном опыте мирной жизни мы без труда найдем примеры всех стратегий, за исключением последней. Взаимодействие «проигравший-проигравший» возникает в тех исключительных случаях, когда другие варианты невозможны или не оставляют шансов на выживание. История войн, вооруженных столкновений и терактов изобилует примерами добровольного самопожертвования ради нанесения как можно большего урона врагу. Независимо от оценки этих действий, они оказываются весьма эффективным средством устрашения, направленного на снижение устойчивости превосходящего в силе противника. Однако сценарий «проигравший – проигравший» в ядерном конфликте является крайним, практически не известным истории вариантом стратегии. В войнах с применением обычного оружия героическая гибель имеет глубокий психологический смысл даже в тех случаях, когда идущие на смерть люди не надеются остаться в памяти потомков: они считают, что ценой своей жизни спасают жизни близких. Иными словами, они вступают во взаимодействие по типу «проигравший – проигравший», представляя долгосрочную стратегию «проигравший – выигравший». В ядерной войне ситуация принципиально иная: здесь гибель одних членов сообщества не спасает остальных от быстрой смерти или долгого и мучительного вымирания.

Включение личности или социальной группы в данный тип взаимодействия влечет за собой два психологических эффекта, противоположных по своим последствиям: расширение диапазона допустимых методов воздействия и одновременно повышение догматизма и приверженности групповым ценностям.

С одной стороны, высокая вероятность необратимых потерь вплоть до физического уничтожения вызывает сужение временной перспективы, когда тщательный анализ долгосрочных последствий принимаемых решений теряет

какой-либо практический смысл. Неизбежность тотального уничтожения психологически освобождает лиц, принимающих стратегические решения, от необходимости нести ответственность перед обществом и его политической системой, большинство представителей которой обречены на гибель и не смогут воспользоваться какими-либо политическими и правовыми санкциями. Игнорирование групповых норм, а также стремление опередить противника существенно расширяют диапазон стратегий и тактик взаимодействия, признаваемых допустимыми и оправданными. Иными словами, при наличии высокой вероятности ядерного удара лица и группы, облеченные властью, могут пойти на силовые или дипломатические решения, которые, даже не предполагая использование ядерного оружия, могут спровоцировать другую сторону.

С другой стороны, высокая вероятность личной смерти, как показывают эмпирические исследования, повышает догматичность личности и ее конформность, стремление следовать социальным нормам (Bassett, 2007). Согласно теории «управления ужасом», к психологическим защитным механизмам, которые запускаются при напоминании о смерти, например, в связи с терактами или другими неконтролируемыми человеком событиями, относятся стремление повысить свою самооценку, поддержка культурных норм, рост ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации, поиск и подчеркивание позитивной идентичности (Greenberg, 2008). Под влиянием этих психологических эффектов стремление сохранить позитивную социокультурную идентичность и следование той или иной идеологии могут снижать готовность сторон идти на компромиссы и даже подтолкнуть к иррациональным действиям. В частности, защита национальной культуры или религиозных ценностей может стать основанием для применения ядерного оружия против отдельного государства, этнической группы или западной / восточной цивилизации. Тем не менее, самоидентификация с более крупной социальной общностью, например, человечеством, характерная для личности

или целенаправленно сформированная, может изменить воздействие перечисленных нами защитных механизмов и способствовать просоциальному поведению в интересах международной безопасности.

Еще одним групповым фактором гонки ядерного вооружения оказалась корпоративная культура и групповая сплоченность разработчиков ядерного оружия (Pilisuk, 1999), а религиозные представления о неизбежности Судного дня, как оказалось, могут влиять на принятие решения о ядерном ударе офицерами стратегических сил (Kierulff, 1992). Убежденность в неизбежности ядерного столкновения может влиять на оценку рисков экспертами и политиками, принимающими решения. Например, Артур Комптон, один из руководителей Манхэттенского проекта, оценил вероятность взрыва атмосферы Земли вследствие ядерных испытаний как один шанс из трех миллионов, по-видимому, назвав цифры, взятые из головы, так как считал, что из-за гонки вооружений в ходе Второй мировой войны таких испытаний все равно не избежать (Kent, 2004).

К *межгрупповым факторам* готовности использовать ядерное оружие относятся межгрупповое сравнение, межгрупповые стереотипы и эффекты аутгрупповой дискриминации, проявляющиеся в формировании «образа врага». Роль межгруппового восприятия столь существенна, что некоторые исследователи предлагают описывать ядерное противостояние не как «дилемму заключенного», а как «перцептивную дилемму» (Plous, 1993).

Первоначально в изучении конфликтов широко использовалась теория игр и принцип максимизации полезности, тогда как психологические факторы не принимались во внимание. Среди моделей ядерного противостояния, разработку которых в 1960-1980 гг. финансировали американские военные структуры и администрация НАТО (см. подробнее: Нестик и др., 2011, 2012), наибольшую популярность получила игра «дилемма заключенного». Название игра получила по своей первоначальной версии. В ней заключенные стоят перед дилеммой: выдать тайну своего напарника и сократить срок своего

заклучения, или договориться о молчании и немедленно выйти на свободу. Применительно к гонке вооружений игра предполагает четыре варианта поведения супердержав: 1) взаимное разоружение обеих сторон, 2) наращивание вооружения Россией при разоружении США, 3) наращивание вооружения США при разоружении России, 4) взаимное наращивание вооружений. Поведение в данной модели определяется не столько расчетом, сколько представлениями о намерениях другой стороны. С учетом психологии межгрупповых отношений «дилемма заключенного» выглядит как «дилемма восприятия»: 1) обе стороны считают наиболее выгодным взаимное разоружение, 2) они больше всего опасаются разоружиться в тот момент, когда соперник будет вооружаться; 3) обе считают, что другая сторона в любой ситуации предпочтет вооружение разоружению (Plous, 1993).

В условиях конкуренции межгрупповое восприятие искажается социальными стереотипами и этническими предрассудками, которые затрудняют адекватную оценку намерений другой стороны и подталкивают к наращиванию вооружений. При дальнейшей эскалации межгруппового конфликта стороны утрачивают способность замечать позитивные изменения в действиях друг друга. Формируется образ врага, противник превращается в «нелюдей», по отношению к которым выглядит оправданным использование любых средств уничтожения (Солдатова, 1998; Зимбардо, 2014).

Наконец, *социетальные*, то есть относящиеся к обществу в целом, факторы готовности к применению ядерного оружия связаны, прежде всего, с давлением со стороны национальных и международных политических и бюрократических групп интересов, а также с влиянием СМИ и общественного мнения на позицию политиков (Allison, 1971; Fiske et al., 1983). Между тем, общественное мнение в отношении ядерной угрозы легко поддается манипулированию. Иными словами, вероятна ситуация, когда в борьбе за власть оппозиционные лидеры или политические лидеры попытаются

представить нанесение ядерного удара как вынужденный и относительно безопасный для населения страны выход из сложившегося положения.

Психологической особенностью ядерного противостояния является *виртуальность ядерной угрозы*: отсутствие случаев применения ядерного оружия, ореол засекреченности вокруг его испытаний, а также затрудненность международного контроля над его созданием и распространением, превращают ядерный потенциал в реальную, но неосязаемую угрозу. И хотя скрыть производство ядерного оружия и подлинную мощность зарядов сегодня крайне трудно, оценками масштабов угрозы по-прежнему относительно легко манипулировать. В отличие от войн и вооруженных столкновений с применением конвенционального оружия, ядерная угроза отсутствует в жизненном опыте ныне живущих политических деятелей (за исключением его применения в Хиросиме и Нагасаки). С одной стороны, неосязаемость ядерного потенциала повышает роль психологических факторов при принятии стратегических решений. С другой стороны, она также открывает возможность для манипулирования массовым сознанием, то есть для преуменьшения или, наоборот, преувеличения ядерной угрозы, как это было в случае вторжения США в Ирак.

Отсутствие ядерной катастрофы в автобиографической и коллективной памяти приводит к тому, что она достраивается воображением по аналогии с другими катастрофами, носящими локальный характер и имеющими совсем другие последствия. Людям свойственно переоценивать маловероятные риски после того, как они столкнулись с наглядными примерами их последствий, «прочувствовали» их на своем или чужом опыте. Наоборот, гораздо более вероятные риски недооцениваются, если они описываются абстрактными прогнозами (Smith, Leiserowitz, 2014; Weber, 2006).

Одним из факторов, снижающих чувствительность к рискам ядерной войны в массовом сознании, стала индустрия компьютерных игр, позволяющих своим персонажам многократно оживать после смерти, а также осваивать

воображаемый мир после катастрофы. Заметим, что постапокалиптический шутер Fallout 4 стал самой популярной игрой в 2015 г., по данным Amazon¹. Чтобы понять масштабы данного явления, достаточно учесть, что только за один месяц число продаж Fallout 4 составило более двух миллионов копий, а в первый день выхода игры в нее одновременно играли более 440 тысяч человек². Игровая культура поддерживает веру в возможность выживания после ядерной войны, «опривычивает» воображаемые катастрофические последствия, истинная реальность которых не доступна опыту ныне живущего человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что глобальные риски, связанные с ядерным оружием, усиливаются распространением ядерного оружия и участвующей демонстрацией отдельными государствами своей готовности его использовать. Эти два процесса обусловлены не только объективными политическими, экономическими и технологическими факторами, но и целым рядом психологических механизмов.

На внутриличностном уровне это авторитарность, этноцентризм, уровень самооценки, а также мотивационно-когнитивные искажения (сверхуверенность, упрощение ситуации, метафора эскалации, реактивная девальвация уступок, эффект перехода Рубикона, эффект «рамки»), эффекты управления ужасом и внутриличностный нормативный конфликт. На уровне межличностных отношений это уровень доверия и закономерности социального восприятия: дилемма безопасности и фундаментальная ошибка атрибуции, эффекты самосбывающихся пророчеств. На уровне группы это эффекты группового мышления, сдвига к риску, роста конформности в условиях дефицита времени.

¹ Fallout 4 is Favorite of UK Retailer GAME's Audience According to Survey. См.: <http://www.dualshockers.com/2016/01/16/fallout-4-is-favorite-of-uk-retailer-games-audience-according-to-survey/>.

² См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Fallout_4#.D0.9F.D1.80.D0.BE.D0.B4.D0.B0.D0.B6.D0.B8.

На уровне межгрупповых отношений это аутгрупповая дискриминация, стереотипизация и формирование образа врага. Наконец, на уровне общества в целом это виртуальность ядерной угрозы, недооценка рисков, которых нет в жизненном опыте и ложные представления о постапокалиптическом будущем, формируемые индустрией развлечений.

Можно выделить несколько *актуальных направлений* исследования психологических аспектов стратегической безопасности.

Необходимы социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности при принятии решений в кризисных ситуациях, характеризующихся угрозой базовым ценностям, дефицитом времени и высокой неопределенностью. Пристального изучения требуют механизмы групповой рефлексии не только в малых группах, но и в больших социальных группах и сетевых сообществах (Журавлев, Нестик, 2011, 2012; и др.).

Требует уточнения роль социальной идентичности в принятии решения о приобретении и применении ядерного оружия. Мы все еще не имеем ясного представления о том, какие психологические факторы позволяют разрешить противоречие нормами международного сообщества и стремлением действовать в интересах своей социальной группы (политико-экономической, национальной, религиозной и др.). Особенно важным в этой связи представляется изучение предпосылок глобальной идентичности, способности личности отождествлять себя не только со своим этносом и государством, но и со всем человечеством (Нестик, 2015). Речь идет о формировании двойной идентичности, когда личность сохраняет принадлежность и к своей социальной группе, и к обществу в целом. С точки зрения теории самокатегоризации, актуализация альтернативных идентичностей (неэтнических или неполитических) – гражданских, профессиональных, глобальных и т.п. – не только позволяет снизить межгрупповую напряженность (Gaertner, Dovidio, 2000), но и облегчает постановку суперординантных целей, связанных с предотвращением глобальных рисков. Анализ успешно преодоленных

антропогенных кризисов показывает, что условием успеха оказывалось расширение групповой идентификации, рост внутреннего разнообразия и формирование ценностей, облегчавших межгрупповую интеграцию (Назаретян, 2007).

До сих пор в контексте ядерного сдерживания изучались лишь те личностные характеристики руководителей, которые связаны с политическими ценностями, внутригрупповым и межгрупповым взаимодействием. Между тем, мало изученной остается роль таких характеристик, как доверие к миру, оптимизм, характеристики временной перспективы. Исследования в области ядерного сдерживания посвящены в основном феноменам безопасности, избегания рисков, сохранения статус-кво. Важным психологическим условием предотвращения катастроф является позитивный образ будущего, способность ставить долгосрочные позитивные цели. Анализ преодоления кризисов показывает: чем более долгосрочные цели мы ставим перед собой при выходе из кризиса, тем больших жертв удастся избежать (Арманд и др., 1999). Долгосрочная перспектива позволяет абстрагироваться от частностей, сдвигает внимание с анализа затрат на предвосхищение выгоды, подталкивает к позитивным оценкам будущего (Krebs, Rapport, 2012; Нестик, 2014). Психологические исследования свидетельствуют о том, что не алармистский подход, не нагнетание тревоги повышают готовность к действиям по предотвращению глобальных рисков, а постановка позитивных целей, поиск взаимовыгодных решений, повышение самооценки и возможностей для самореализации (Stoknes, 2015). Само по себе запугивание ядерной угрозой и ужесточение контроля над созданием и распространением ядерных технологий только усиливают недовольство сложившимся положением среди лидеров неядерных государств. Путь к снижению ядерной угрозы лежит не столько через демонстрацию недоверия и наращивание средств обнаружения, сколько через дипломатию, поддерживающую чувства национального достоинства у политических элит всех заинтересованных сторон (Hymans, 2006).

Важной задачей остается изучение психологических механизмов формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска в ходе принятия стратегических решений и переговоров. Исследования в области организационной психологии и межличностного доверия позволяют предположить, что в кризисных ситуациях критерии доверия и недоверия сторон друг к другу меняются как по значимости, так и по содержанию (Купрейченко, Табхарова, 2008; и др.). Это не может не влиять на практические рекомендации по разрешению кризисных ситуаций в международных отношениях.

По-прежнему мало изучены социально-психологические аспекты ядерного терроризма, то есть использования ядерного оружия в качестве несимметричного ответа. Между тем, вероятность применения оружия массового уничтожения террористическими организациями продолжает расти. Требуют изучения социально-психологические механизмы, провоцирующие формирование гностического мировоззрения, приверженцы которого обретают смысл жизни через уничтожение существующего мира, культуру смерти (Некlessа, 2015; Соснин, Нестик, 2008).

Наконец, требуют дальнейшего изучения психологические факторы, влияющие на оценку допустимости применения ядерного оружия в массовом сознании. Необходимо изучение влияния постапокалиптических фильмов, игр и книг на отношение к ядерной угрозе. В связи с ростом масштабов терактов и других травмирующих катастрофических событий, требует все более пристального внимания динамика коллективных эмоциональных состояний (Проблемы психологической безопасности, 2012) и дискурса ненависти, распространяющихся через социальные медиа. Несмотря на богатый опыт изучения коллективных эмоций в малых группах и организациях, собственно психологические исследования макрогрупповых эмоциональных состояний находятся пока в зачаточном состоянии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Знания, групповая рефлексия и корпоративная память как объект социальной и организационной психологии // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С.577-597.
- Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследования // Психологический журнал. 2012. Т.35. №4. С.27-37.
- Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- Кокошин А.А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. М.: КРАСАНД, 2009.
- Купрейченко А.Б., Табхарова С.П.* Доверие и недоверие: дифференцирующие критерии // Социальная психология сегодня: наука и практика / Материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб., 2008. С.63-65.
- Левицкий Р., Сандерс Д., Барри Б., Минтон Дж.* Самое главное о переговорах. М.: ФОРУМ, 2006.
- Назаретян А.П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Некlessа А.И.* Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. №2. С.280–295.

- Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А.* Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т.32.№ 2. С.5-24.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А.* Социально-психологические аспекты стратегической стабильности ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. №3. С.116-123.
- Нестик Т.А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Нестик Т.А.* Глобальная идентичность в обществе риска // Наука. Культура. Общество. 2015. №4. С.130-140.
- Полегаев В.И., Алферов В.В.* О неядерном сдерживании, его роли и месте в системе стратегического сдерживания // Военная мысль. Июль 2015.
- Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н.Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007.
- Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В.Н.Дружинин. М.: ПЕР СЭ, 1999.
- Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
- Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев.
М.: ПЕР СЭ, 2002.

Тарасов К.С. Теоретические подходы к проблеме распространения ядерного
оружия // Вестник МГИМО. 2015. №4(43). С.130-138.

Abrams D., Wetherell M., Cochrane S., Hogg M. A., Turner J.C. Knowing what to
think by knowing who you are: Selfcategorisation and the nature of norm
formation, conformity and group polarization // *British Journal of Social
Psychology*. 1990. V.29. P.97-119.

Allen B.P. Frightening Information and Extraneous Arousal: Changing Cognitions
and Behavior Regarding Nuclear War // *Journal of Social Psychology*. 1993.
V.133. №.4. P.459-467.

Allison G. *Essence of Decision*. Boston: Little, Brown, 1971.

Altemeyer B. What Happens When Authoritarians Inherit the Earth? A Simulation //
Analyses of Social Issues & Public Policy. 2003. V.3. №.1. P.161-169.

Anstee J. Norms and the management of identities: The case for engagement between
constructivism and the social identity approach // *Psychology and
Constructivism in International Relations: An Ideational Alliance* / Ed. by
Shannon V.P., Kowert P.A. Michigan, USA: University of Michigan Press,
2012. P.76-91.

Bassett J.F. Psychological defenses against death anxiety: integrating terror
management theory and firestone's separation theory // *Death Studies*. 2007.
V.31. P.727-750.

Booth K., Wheeler N.J. *The security dilemma: Fear, cooperation and trust in world
politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2008.

Brams S.J. *Superpower Games: Applying Game Theory to Superpower Conflict*.
New Haven, CT: Yale University Press, 1985.

Brewer S. *Why America Fights: Patriotism and War Propaganda from the
Philippinesto to Iraq*. NY: Oxford University Press, 2009.

- Davis J.* Post Detonation Nuclear Forensics // AIP Conference Proceedings. 2014. V.1596. P.206-209
- Dolan Th.M.* Unthinkable and Tragic: The Psychology of Weapons Taboos in War // International Organization. 2013. V.67. №#.41. P.37-63.
- Eidelson R.J.* How Leaders Promote War by Exploiting Our Core Concerns // Peace Review. 2013. V.25. №.2. P.219-226.
- Etheredge L.S.* Personality Effects on American Foreign Policy, 1896-1968: A Test of Interpersonal Generalization Theory // American Political Science Review. 1978. V.72. №.2. P.434-451.
- Fiske S.T., Fischhoff B., Milburn M.A.* Images of Nuclear War: An Introduction // Journal of Social Issues. 1983. V.39. №.1. P.1-6.
- Fuhrmann M.* Atomic Assistance: How “Atoms for Peace” Programs Cause Nuclear Insecurity. Ithaca and London: Cornell University Press, 2012.
- Gaertner S.L., Dovidio J.F.* Reducing intergroup bias: The common ingroup identity model. Philadelphia, PA: Psychology Press / Taylor & Francis, 2000.
- Gat A.* Is war declining – and why? // Journal of Peace Research. 2013. V.50. №.2. P.149-157.
- Gollwitzer P.M., Heckhausen H., Steller B.* Deliberative and implemental mind-sets: Cognitive tuning toward congruous thoughts and information // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V.59(6). P.1119-1127.
- Greenberg J.* Understanding the Vital Human Quest for Self-Esteem // Perspectives on Psychological Science. 2008. V.3. №.1. P.48-55.
- Holsti O.R.* Crisis decision making // Behavior, society, and nuclear war. V.1. N.Y.: Oxford University Press, 1989. P.8-84.
- Hymans J.* The Psychology of Nuclear Proliferation: Identity, Emotions, and Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Hymans J.E.C.* Achieving Nuclear Ambitions: Scientists, Politicians, and Proliferation. N.Y: Cambridge University Press, 2012.

- Hymans J.E.C.* The Threat of Nuclear Proliferation: Perception and Reality // Ethics & International Affairs. 2013. V.27. №.3. P.281-298.
- Janis I.L.* Victims of Groupthink. N.Y.: Houghton Mifflin, 1972.
- Jervis R.* Cooperation Under the Security Dilemma // World Politics. 1978. V.30. №.2. P.167-214.
- Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1976.
- Johnson D.P., Tierney D.* The Rubicon theory of war: How the path to conflict reaches the point of no return // International Security. 2011. V.36. P.7-40.
- Johnson D.P., Tierney D.* The Rubicon theory of war: How the path to conflict reaches the point of no return // International Security. 2011. V.36. P.7-40.
- Kent A.* A Critical Look at Risk Assessments for Global Catastrophes // Risk Analysis. 2004. V.24. P.157-168.
- Kerr N.L., Tindale R.S.* Group performance and decision making // Annual Review of Psychology. 2004. V.55. P.623–655.
- Khong Y.* Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1992.
- Knopf J.W.* Nuclear Disarmament and Nonproliferation // International Security. 2012. V.37. №.3. P.92-132.
- Knopf J.W.* Nuclear Disarmament and Nonproliferation // International Security. 2012. V.37. №.3. P.92-132.
- Krebs R.R., Rapport A.* International Relations and the Psychology of Time Horizons // International Studies Quarterly. 2012. V.56. №.3. P.530-543.
- Lebow R.N.* Between Peace and War: The Nature of International Crisis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.
- Levy J.S.* Psychology and Foreign Policy Decision-Making // The Oxford Handbook of Political Psychology. 2nd ed. / Ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.

- Pilisuk M.* Addictive Rewards in Nuclear Weapons Development // *Peace Review*. 1999. V.11. №.4. P.597-600.
- Plous S.* The Nuclear Arms Race: Prisoner's Dilemma or Perceptual Dilemma? // *Journal of Peace Research*. V.30. №.2. 1993. P.163-179.
- Pruitt D.G., Rubin J.Z.* Social conflict escalation, stalemate, and settlement. N.Y.: Random House, 1986.
- Rublee M.R.* Nonproliferation Norms: Why States Choose Nuclear Restraint. By Maria RostRublee. Athens: University of Georgia Press, 2009.
- Rühle M.* Deterrence: what it can (and cannot) do // *NATO Review*. 2015 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.nato.int/docu/review/2015/Also-in-2015/deterrence-russia-military/EN/> (дата обращения: 20.01.2016).
- Sakamoto T., Hoshiro H.* Simulating the Process of Policy Making: The Case of the Cuban Missile Crisis // *Conference Papers - International Studies Association, 2006 Annual Meeting*. P.1-32.
- Smith N., Leiserowitz A.* The Role of Emotion in Global Warming Policy Support and Opposition // *Risk Analysis: An International Journal*. 2014. V.34. №.5. P.937-948.
- Stein J.G.* Threat perception in international relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology*, 2nd ed. Ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Stern E.K.* Crisis Decisionmaking: A Cognitive Institutional Approach. Stockholm: SwedishNationalDefenceCollege, 2003.
- Sternberg R.J., Soriano L.J.* Styles of conflict resolution // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. V.47. №.1. P.115-126.
- Stoknes P.E.* What We Think About When We Try Not To Think About Global Warming: Toward a New Psychology of Climate Action. Vermont: Chelsea Green Publishing, 2015.

Stoner I.A.F. Risky and cautious shifts in group decisions: the influence of widely held values // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1968. V.4. P.442-459.

Suchy P., Thayer B.A. Weapons as political symbolism: the role of US tactical nuclear weapons in Europe // *European Security*. 2014. V.23. №.4. P.509-528.

Taliaferro J.W. Balancing risks: Great power intervention in the periphery. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.

Tetlock Ph.E., McGuire Ch.B., Mitchell G. Psychological Perspectives on Nuclear Deterrence // *Annual Review of Psychology*. 1991. V.42. P.239-276.

Weber E.U. Experience-based and description-based perceptions of long-term risk: why globalwarming does not scare us (yet) // *Climatic Change*. 2006. V.77. №1/2. P.103-120.